

© Е.Н. ЭРТНЕР
Elena_ertner@mail.ru

УДК 821.161.1.09

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕНЦИЯ В ПРОЗЕ РОМАНА РУГИНА

METAPHORIC INTENTION IN R. RUGIN'S PROSE

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проза современного хантыйского писателя Романа Ругина 1970-1980-х годов в структуре сибирского текста. Аналитической оптикой становится метафорическая интенция и ее актуальные возможности в рассказах и повестях писателя в русле геокультурного подхода. На уровне топологической метафоризации выявляются особенности пространственного конфликта, изучаются процессы «специализации» (термин В.Н. Топорова) мифологического времени (времени, отливающегося в пространственных символах), явление персонификации природного мира, своеобразие и функциональная природа цветопоэтики, символики света, исследуются принципы и приемы метафоризации писателя, анализируется денотативная основа метафорических сравнений. Декодирование метафорических смыслов в прозе Романа Ругина позволяет рассмотреть вопрос о своеобразии ландшафтного мышления писателя, проследить глубинные взаимосвязи художника и его северной земли.

SUMMARY. The article considers the modern khanty author Roman Rugin's prose of 1970-1980 and defines its place within the Siberian text framework. Metaphoric intention is treated as a vehicle to reveal the peculiarities of geopoetic approach to literary text analysis. The principles of the author and his Northern land interconnectedness, specific nature of his landscape cognitive perception are interpreted in the process of R. Rugin's literary works metaphoric decoding, aimed at investigating the individual grounds for space personification, color scheme poetic modeling, specifics of light and shade interpretations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Проза Ругина, метафорическая интенция, метафора, персонификация, хантыйская литература, геокультурный подход, поэтика ландшафта.

KEY WORDS. Rugin's prose, metaphoric intention, personification, khanty literature, geopoetic approach.

В современном литературоведении одной из важнейших проблем становится изучение литературного ландшафта, во многом определяемое исследовательской традицией феноменологического подхода. Феноменология пространства/места, разрабатываемая в трудах Мартина Хайдеггера, Жана Поля Сартра, Гастона Башляра [1], оказала сильнейшее воздействие на становление и развитие геокультурного метода. Сегодня ландшафтоведение представляет собой быстро развивающуюся междисциплинарную область научного знания на стыке когнитивной географии, геофилософии и филологии [2].

Актуальность исследовательского направления связана с обострением интереса к вопросам экологии, требующим рассмотрения взаимоотношений человека и природы, а также разработкой нового подхода к ландшафту с точки зрения геософии, феноменологии места. Исследование особенностей метафорической интенции [3] в прозе Романа Ругина, предложенное в данной статье, находится в русле этого научного поиска и связано с изучением ландшафтного мышления [4], «опыта земли» писателя.

Роман Прокопьевич Ругин — известный хантыйский прозаик и поэт, автор книг «Солнце над снегами», «Снежные мелодии», «Метель на ладони», «Звон летящего аркана», «Ранний ледостав», «По следу», «Гул далекой буровой», «В ожидании сына», «Счастливые деньки на Шум-Югане» и многих других, входящих в структуру сибирского текста [5]. Заметим, что сегодня отечественное литературоведение намечает новые подходы к изучению литератур коренных народов Севера [6].

Метафорическое осмысление природного мира в фольклоре и литературе ханты изначально связано с ландшафтной символикой. В пространственных метафорах кодируется разнообразная информация о системе ценностей той или иной эпохи, культуры, национальной традиции. Как отмечает М.В. Никитин, именно метафора в наибольшей мере апеллирует к смысловым и ценностным параметрам модели мира [7; 69]. Метафора раскрывает особенности национального видения мира и является своеобразным ориентиром в его художественном освоении. Но в ходе своей практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с окружающим их миром, а с его репрезентациями, когнитивными картинками и моделями [8; 45]. Представление мира — это его осмысление и интерпретация, при этом пространственная картина мира — особый вид мироощущения, образное, чувственное представление, метафорическое обживание пространства [9; 289-299].

Основной конфликт произведений Романа Ругина выражается в противостоянии «природного» мира, определяемого этническими традициями нации, и «чужой», агрессивной «цивилизации пришельцев». В творчестве писателя конфликт воплощается в антитезе топологических образов «тайги», «лесотундры», «куропачьего чума», «заветного охотничьего места», «высокой ели», «неба», «сора», «древнего кладбища» и «помещения», «дома», «конторы», «стены». С этими двумя пространственными полюсами связаны все бесконечные сложности и конфликты бытия ханты.

Мир северной природы изображается писателем удивительно ярко. Ругин ищет адекватное слово, стараясь не только воспроизвести картину (визуальный образ), но представить мир в ощущениях живущего здесь человека. Северный ландшафт Романом Ругиным осмысливается метафорически.

Так, мифологическое время закрепляет поэтика годового цикла: «*Месяц Подъема Муксуна*», «*весенние сумерки Малого Наста*» [10; 224], «*яркое солнце Месяца Прилета Водоплавающей Птицы*», «*пуржистый Месяц Замерзания Оби*» [11; 45]. В имени месяца закреплены опыт нации, обожествление образов живой природы: реки-кормилицы, птиц, весны и зимы, солнца, пурги и других, а также элементы заговора и попытка закрепления в слове воздействия времени года на человека («яркое солнце», «пуржистый»). При этом название месяца не констатирует миг, а воплощает процесс в его протяжен-

ности, эпическое восприятие времени и пространства человеком. Само время часто осмысливается Р. Ругиным как пространственный образ: «Весна была долгой, длинной, как шея лебедя» [11; 415]. Временная протяженность осмысливается поэтически как прекрасное, чудесное время.

Природа в повестях Ругина часто антропоморфна. Ее явления напоминают человека, в частности, его одежду: «облака свои подола распустили» [11; 110], березы «накинули узорчатые хантыйские платки с кистями» [11; 112]. Прием олицетворения помогает «заселить» безбрежный, огромный мир: так, наступит утро, когда «Солнце разомкнет веки [10; 135].

Приемом «освоения» окружающего в повестях и рассказах Ругина становится поиск метафорических сравнений: «земля дышала, как вода на Оби после весеннего ледохода» [11; 123], «волны шли стеной, разбрасываясь лосиными рогами у подножия высокого мыса» [10; 196], «Солнце застыло... усевшись на лесные рога» [11; 116].

В первом случае сравниваются две стихии, важные для ханты, — земли и воды. «Дыхание» освободившейся от снега воды неожиданно ощущается человеком на тактильном и обонятельном уровнях, кроме того, его можно и «расслышать». Последующие аналогии строятся на визуально родственных образах ветвистых рогов оленя (*ветви рогов*) и верхушек деревьев тайги (*рога леса*) или бьющихся о берег волн («волны разбрасываются лосиными рогами») и вступившего в битву лося, при этом аналогии строятся автором как на прямом, так и на обратном сравнении.

Пространство у Ругина (его физические и этические параметры) всегда оценивается «естественным человеком», в котором растворен и действует природный мир, этническая культура: он способен слышать «голос» природы и сам владеет ее языком, хорошо знает сказания, легенды и предания, кроме того, его поведение восходит к ритуальному (охота, приготовление пищи, посещение кладбища, сватовство, женитьба и др.). В языковой и мифологической картинах мира противопоставлены друг другу фрагменты пространства и места: «свой» и «чужие», близкие — дальние, известные — неизвестные, освоенные — неосвоенные, доступные — недоступные, «разрешенные» — «неразрешенные», личностные и безличные.

Мерилом пространства в повестях Р. Ругина выступает человек, занятый древними промыслами: охотой, рыбалкой. В описании мира его опыт освоения природы (делание ее «своей», близкой) наиболее важен. И тогда *лучи солнца* предстают «связками натянутых арканов», а мелкий снег зимней вьюги является в образе рыболовной сети: «Перед глазами словно мельтешила мелкоячеистая сеть» [11; 143]; переливы в неводе мелкой рыбешки неожиданно «брызнут серебряным дождиком» [10; 207] и, наоборот, капли речной воды «разлетаются рыбьими чешуйками» [10; 160].

В слове писателя закрепляется национальный опыт переживания места. Так, Ругин фиксирует особенности этнического мировосприятия: цвет, имеющий на Севере свою ярко выраженную доминанту (белый цвет снега, надолго покрывающего землю), репрезентируется при помощи сравнения с «серебром чешуи рыбы».

При этом цвет — серебристый, белый, и т.д. — не акцентируется, читатель должен сам явить в воображении цвет и блеск (отраженный свет) рыбы в кон-

кретный момент деятельности человека. Сравнение снега с чешуей рыбы в творчестве Ругина получает свое развитие, образуя особый метафорический код: снежинка — «блестящая чешуйка», снег — «мельтешение мелкоячеистой сети», осыпание и кружение в воздухе «чешуи огромной рыбыны» и другое.

«*Сеяло крупными хлопьями, словно кто-то снимал чешую с огромной рыбыны*» [11; 134], — синтаксическая конструкция включает безличное предложение (главное) и придаточное, в котором в роли подлежащего — неопределенное местоимение «кто-то». Синтаксическую симметрию сравнения развивают словосочетания «*крупные хлопья*», «*огромная рыбаина*». Непостижимым образом в прозе Ругина соединяются внеличностный характер происходящего и процесс конкретной деятельности человека.

Природа определяет в повестях Ругина и цветовую символику: цвет и линия являются как бы отвлеченными способами представления места. Солнце и снег, создавая особую светопись, в метафорическом соединении с мечтой ханты о великом улове пересоздают мир. Образы закрепляются в гиперболическом метафорическом сравнении: «*Весь мир вокруг охотников серебрится и переливается, как рыба чешуя*» [11; 201].

Заметим, что сравнения «снег» — «рыба» в произведениях писателя взаимозаменяемы: «*Сети блестят от улова, словно льдистые чаши, набитые снегом*». Аналогия цвета, формы, размера, то есть прямая зависимость от буквального смысла, отличают процесс и способы метафоризации Романа Ругина. Выражение: «*снег белоснежными песцовыми шкурами устилает землю*» [11; 115] — также вызывает у читателя целый комплекс ощущений: тепла, пушистости, мягкости, света, широкого, ровного пространства, где человек чувствует себя защищенным. Тавтологическое словосочетание «снег белоснежными...» играет здесь роль своеобразного рефрена. Метафорическое сравнение солнца с песком логически основывается на *ослепительной* белизне его шкурки, но и на других качествах зверя: его быстроте, юркости, живости: «*Весеннее солнце, словно белый песец, бежало среди ленивых выцветших облаков*» [11; 243].

Сопоставление неживой природы (снег, пурга, и др.) с живой (зверь, птица) — характерная особенность мироощущения ханты, которую художественно ярко воспроизводит Ругин. Так, определенное время суток, предутренний час, когда волк заканчивает свою охоту, называется «*волчьей зарей*». Буквальный смысл передает точность ориентировки охотника, кроме того, у ханты образы животных мифологизируются (при этом нет однозначно отрицательной оценки), что и отличает в целом метафоричность мышления данного этноса.

Если в других национальных литературах человек — центр пространственной модели, то в «северной» это может быть олень или лось. «Наблюдатель» Ругина чаще всего опытный охотник, который «читает» пространство окружающего мира.

Только ему «открывается» место, ибо он посвященный. «*Чахлый кустарник*», «*одинокие черные лиственницы*», «*силуэт топографической вышки*» [11; 325] на холме — такое место, делает вывод герой повести Ругина «По следу» Пилап, «*вряд ли могло понравиться лосям*». Пространство делится на «свое» и «чужое» с точки зрения того, как чувствует себя в нем олень. Пространство, где «гуляет олень», противостоит тому, где он «шарахается» и где «его ждет смерть» [11; 324]. Природный мир превращается в мертвое пространство, возникающее в результате непродуманного промышленного освоения края.

В процессе декодирования метафорических смыслов прочитывается, угадывается та или иная развернутая ситуация. У Ругина «*царапаться языком*» [11; 208] — говорить обидные слова. Заметим, что это метафорическое сравнение также связано с топологическим образом зверя, его когти и язык (в традиционном восприятии) производят диаметрально противоположное действие, но в данном случае действие языка уподобляется действию волчьих когтей. Удивительно, но пространство грубого слова обладает для ханты тактильным воздействием царапающих когтей. Молчание тайги в сопоставлении с грубым человеческим словом выступает истинным началом, только оно побуждает человека думать о вечном и с ним соотносить свою жизнь и слово.

Характер мышления ханты, по Ругину, обусловлен великой протяженностью пространства, что выражается в метафоре — «*растягивать мысли в длину женского волоса*» [11; 178] — и означает: мыслить основательно, продумывать до конца. Иногда мысли ведут себя иначе, и тогда «*они сталкиваются и запутываются, как рыба в сетях*» [11; 283]. Так, мысль человека «овеществляется» в топологических образах природы, что на уровне языковой картины мира подтверждает тезис об ощущении ханты себя частью природного мира. Место определяет менталитет этноса. Этнографизм в прозе Ругина является одним из важнейших признаков повествовательной структуры, воссоздающей поэтику места.

Мир природы дан писателем в картинах утренней и ночной тайги, поэтический талант автора нашел в них достойное воплощение (его перу принадлежат многие поэтические сборники). Природа в романе — великое целое, такая же загадка, как и человек. Она вечна, в ней — связь времен, глубинная взаимосвязь человека и места, истоки национального мышления. Автор вводит в роман «коллективный опыт нации», представленный в поэтическом слове этноса. К фольклору ханты как своеобразному способу поэтического обобщения и обращается Р. Ругин в повестях «По следу», «Ланги», «Гул далекой буровой», «Счастливые деньки на Шум-Югане», «На нерестовой реке» и других. Включение в роман фольклора (мифы о Менге, Вороне семиклювом — семикрылом и т.д.) связано с поиском, выявлением основ национального, своеобразной его поэтизацией, что реализуется и в языке метафорической интенции.

В повести «Гул далекой буровой» противостоят друг другу два пространства: национального образа мира ханты и лишенной каких-либо этнических корней цивилизации. «Открытое» пространство природы как дома изначально чуждо «закрытому» пространству «помещения». Оценочность и восприятие таежным человеком открытого пространства связано с образом жизни этноса. Лозар и Карыкур, спасаясь от вьюги, строят куропачий чум, делают некий снежный дом. Призрачность такого дома, мнимость крыши над головой, мираж, который может исчезнуть, оставляют человека в открытом космосе мироздания. Да и сам чум, жилье легко снимаемое, не создает у человека полного ощущения отгороженности от мира, «закрытого» пространства. С точки зрения ханты это означает, что и само бытие мироздания «входит» в человека, определяет, насыщает его.

Мир ханты удивительно динамичен, что подчеркивается и обилием глаголов в создаваемых Ругиным метафорических конструкциях. Символами движения противостоящих миров становятся «олень» и «машина». Олень символизирует естественный мир, несомый в крови, исходное состояние ханты. Олень — это

не только средство передвижения, еда, одежда для человека, но и птица: «рога оленя касаются солнца». Он олицетворяет мечту, красоту, жизнь. Машина символизирует «другой» мир, мир цивилизации. В картине разоренной «покорителями» земли «стреноженными» оказываются и брошенные машины, и мертвые олени. Статика, остановившееся движение становится символом смерти.

Метафорическое мышление, попытка воспринимать и оценивать мир в пространственных образах, с точки зрения писателя, — особенность менталитета ханты и родовое качество создаваемой литературной традиции. В метафорической интенции Р. Ругина находит свое воплощение языковая и метафорическая картины мира подлинно национального художника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991; Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. 192 с.; Сартр Ж. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения СПб., 2002. 320 с.; Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства. М., 2004. 376 с.; Эко У. Шесть прогулок в вымышленных лесах. М., 2001.
2. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX века. М., 1993. 320 с.; Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. М., 2003. 332 с.; Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М., 2010. 330 с.; Эртнер Е.Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. Серия «Филология». С. 6-13.
3. Данилина Г.И. Пространственные метафоры в научном творчестве А.В. Михайлова // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 2. С. 62-78.
4. Региональный литературный ландшафт в русской перспективе: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е.Н. Эртнер. Тюмень, 2008.
5. Драчева С.О., Медведев А.А., Рогачева Н.Н. Историческая динамика поэтической образности в сибирском тексте русской лирики XVIII — начала XX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. Серия «Филология». С. 126-134; Рогачева Н.А. Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 5. Серия «Педагогика. Психология. Философия». С. 240-247.
6. Лагунова О.К. Научные версии литературного творчества коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. Серия «Филология». С. 60-69.
7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2010.
8. Эртнер Д.Е. Метафорический код поэтического текста: к проблеме интерпретации перевода. Тюмень, 2011. 202 с.
9. Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 289-299.
10. Ругин Р.П. В ожидании сына: Повести. Свердловск, 1990. 304 с.
11. Ругин Р.П. Ранний ледостав. М., 1986. 414 с.

REFERENCES

1. Heidegger, M. Arts and space // *Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshhestve* [Self-awareness of European culture of the twentieth century thinkers and writers of the West and the place

of culture in modern society]. Moscow, 1991; Heidegger, M. *Razgovor na proselochnoj doroge* [Conversation on a country road]. Moscow, 1991. 192 p.; Sartre, J.-P. *Voobrazhaemoe. Fenomenologičeskaja psihologija voobrazhenija* Imaginary. Phenomenological psychology of the imagination]. St.-Petersburg, 2002. 320 p.; Bachelard, G. *Izbrannoe. Pojetika prostranstva* [Selected. The Poetics of Space]. Moscow, 2004. 376 p.; Eco, U. *Šest' progulok v vymyšlennyh lesah* [Six walks in the fictional woods]. Moscow, 2001. (in Russian).

2. Podoroga, V.A. *Metafizika landšafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoj kul'ture XIX-XX veka* [Metaphysics of landscapes. Communicative strategies in philosophical culture, XIX-XX centuries]. Moscow, 1993. 320 p.; Zamjatin, D.N. *Gumanitarnaja geografija: Prostranstvo i jazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: Space and language geographic images]. Moscow, 2003. 332 p.; Lavrenova, O.A. *Prostranstvo i smysly: semantika kul'turnogo landšafta* [Space and meanings: the semantics of the cultural landscape]. Moscow, 2010. 330 p.; Ertner, E.N. Geo-cultural approach to the study of spatial imagery in the Russian literature. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2011. № 1. Series «Philology». Pp. 6-13. (in Russian).

3. Danilina, G.I. Spatial metaphors in scientific creativity A.V. Mikhailov. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2003. № 2. Pp. 62-78. (in Russian).

4. *Regional'nyj literaturnyj landšaft v russoj perspektive: Sb. nauch. st.* [Regional literary landscape in the Russian perspective: Collected articles] / Ed. by. E.N. Ertner. Tyumen, 2008. (in Russian).

5. Dracheva, S.O., Medvedev, A.A., Rogacheva, N.N. Historical dynamics of poetic imagery in the Siberian Russian text lyrics XVIII — early XX centuries. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2012. № 1. Series «Philology». Pp. 126-134; Rogacheva, N.A. Methodological problems of studying the text of the Siberian Russian lyrics. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2010. № 5. Pp. 240-247. (in Russian).

6. Lagunova, O.K. Scientific version of literary creativity of indigenous peoples of Western Siberia. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2011. № 1. Series «Philology». Pp. 60-69. (in Russian).

7. Nikitin, M.V. *Kurs lingvističeskoj semantiki* [Rates linguistic semantics]. St.-Petersburg, 2010. (in Russian).

8. Ertner, D.E. *Metaforičeskij kod pojetičeskogo teksta: k probleme interpretacii perevoda* [Metaphorical code poetic text: the problem of interpretation of translation]. Tyumen, 2011. 202 p. (in Russian).

9. Ermakova, O.P. Spatial metaphors in Russian. *Logičeskij analiz jazyka. Jazyki prostranstva* [Logical Analysis of Language. Languages spaces]. Moscow, 2000. Pp. 289-299. (in Russian).

10. Rugin, R.P. *V ozhidanii syna: Povesti* [In anticipation of his son: Tale]. Sverdlovsk, 1990. 304 p. (in Russian).

11. Rugin, R.P. *Rannij ledostav* [Early freezing]. Moscow, 1986. 414 p. (in Russian).

Автор публикации

Эртнер Елена Николаевна — профессор кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, доктор филологических наук

Author of the publication

Elena N. Ertner — Dr. Philol. Sci., Professor, Department of Russian Literature, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University